

СОРА
НАУМОВА

МАРИЯ
ДУБИНИНА

СТО
ЖИЗНЕЙ
СУЗУКИ
ХАЯТО

NoSugar. Легенды змея

Мария Дубинина
Сто жизней Сузуки Хаято

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дубинина М.

Сто жизней Сузуки Хаято / М. Дубинина — «Издательство АСТ», 2025 — (NoSugar. Легенды змея)

ISBN 978-5-17-177986-3

В прошлом их связывали крепкая дружба и общее дело. Два молодых оммёджи соединили свои души, стремясь помочь простым людям. Хаято верил, что перед ними не устоит ни одно зло — ни ёкай, ни демон, ни человек, ведь пока Ишинори рядом, они по-настоящему сильны. Но однажды случилось непоправимое. Ишинори предал его, уничтожил всё, что было ему дорого. Испуская дух, Хаято поклялся, что даже если потребуется сотню раз переродиться, он будет раз за разом искать его душу, чтобы заставить страдать. Но когда все вдруг вернется к началу, кто из них окажется готов идти до конца, невзирая на чувства? Приквел самого известного цикла авторов «Серебряный змей в корнях сосны», в котором знакомый герой открывается с новой стороны.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-177986-3

© Дубинина М., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Список действующих лиц [1]	6
Система времени	7
Календарь (названия месяцев, принятые в книге)	8
Глава -1. Ерунда эти ваши проклятия	10
Глава 1. Туда, откуда все началось	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сора Наумова, Мария Дубинина

Сто жизней Сузуки Хаято

© Сора Наумова, текст, 2025

© Мария Дубинина, текст, 2025

© Рассун, иллюстрации, 2025

© JUBU ART, иллюстрации, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Список действующих лиц ¹

Оммёдзи и его ученики с Канашиямы

- **Куматани Акира** — оммёдзи.
- **Рюичи** – первый ученик Куматани Акиры.
- **Ишинори** — второй ученик Куматани Акиры.
- **Сузуки Хаято** – четвертый ученик Куматани Акиры.
- **Сога Киёхико** – третий ученик Куматани Акиры.

Обитатели поместья Окамото

- **Окамото Такаюки** — богатый торговец, хозяин поместья.
- **Нагава Кодай** – племянник Окамото Такаюки.
- **Мацуда Кодзи** — лучший друг Нагавы.
- **Ютака** — личный слуга Окамото Такаюки.
- **Ивамото-сэнсэй** – домашний лекарь Окамото Такаюки.
- **Сёхей** — поэт, дальний родственник Окамото Такаюки.
- **Ханако** — дочь Окамото Такаюки.
- **старик Таро и старуха Касуми** – управляющие поместьем.
- **Ватанабэ Хидэёси** — начальник охраны.
- **Канна** — служанка.
- **Лин Юй**.

Прочие персонажи

- **Ёко и Икудзи** — приемные родители Хаято и Ишинори.
- **Братья Тоцуги: Мамия, Сатору и Таданобу** – торговцы, ремесленники.
- **Котаро** – ронин.
- **Сэй** — куноичи из клана Мидзуно.
- **Янагида Такэнори** — черный оммёдзи.

¹ Здесь и далее примечания авторов. Для японских имен действует следующий порядок: сначала фамилия, потом имя.

Система времени

Час Обезьяны – с 3 до 5 дня.

Час Курицы – с 5 до 7 вечера.

Час Пса – с 7 до 9 вечера.

Час Свиньи – с 9 до 11 вечера.

Час Мыши – с 11 до 1 часа ночи.

Час Быка – с 1 до 3 ночи.

Час Тигра – с 3 до 5 утра.

Час Кролика – с 5 до 7 утра.

Час Дракона – с 7 до 9 утра.

Календарь (названия месяцев, принятые в книге)

Январь — МИТСУКИ – месяц гармонии, месяц пионов.

Февраль — КИСАРАГИ – месяц, когда надевают много одежд, месяц камелии.

Март — ЯЁЙ – месяц произрастания, месяц сливы.

Апрель — УДЗУКИ – месяц дейции, месяц сакуры.

Май — САТСУКИ – месяц рисовых посевов, месяц глицинии.

Июнь — МИНАДЗУКИ – месяц без дождей, месяц гортензий.

Июль — ФУМИДЗУКИ – месяц литературы, месяц лотосов.

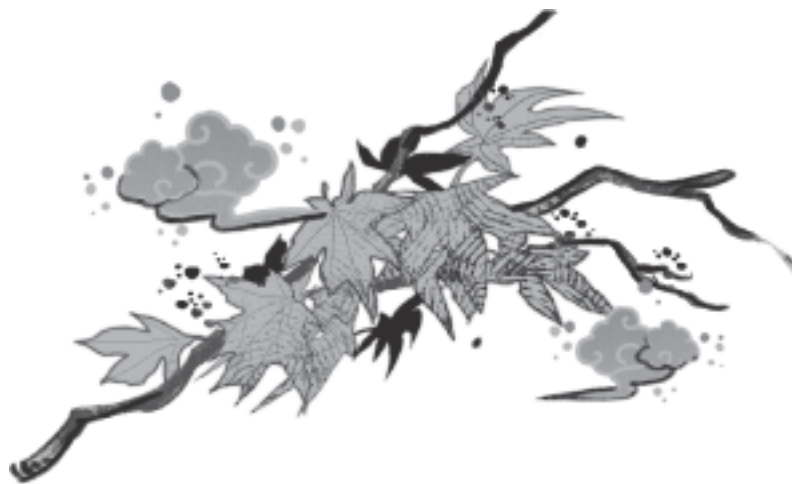
Август — ХАДЗУКИ – месяц опадающих листьев, месяц космеи.

Сентябрь — НАГАТСУКИ – месяц длинных ночей, месяц хризантем.

Октябрь — КАННАДЗУКИ – месяц без богов, месяц георгин.

Ноябрь — СИМОТСУКИ – месяц заморозков, месяц кленов.

Декабрь — СИВАСУ – месяц окончания дел, месяц увядания.

Империя Ямато раскинулась на сотнях островов в бескрайнем океане, и эти земли благословлены богами. Носителем главной благодати был, конечно, Император, но и среди простого народа рождались те, кто обладал особенным даром: видеть незримое и с помощью духовной энергии ки творить заклинания. Их называли оммёдзи, а магию, что они создали, – оммёдо. Это великое и сложное искусство, на постижение которого могли уйти многие годы, но очень важное и необходимое, ведь земли Ямато населяли не только люди. Реки, поля, леса и луга таили от человеческих глаз множество удивительных, а порой и смертельно опасных существ, и в эти переходные, беспокойные времена каждый рисковал столкнуться с хитрым ёкаем², кроважидным акумой³, устрашающим бакэмоно⁴ или увидеть смутную тень злого духа. Стремись под свет солнца демоны из черных подземных глубин царства Ёми⁵, не было для них ничего слаще человеческой плоти и хмельнее страха. Любой зверь мог оказаться оборотнем, а призраки умерших донимали живых.

² Ёкаи — общее название для сверхъестественных существ японской мифологии. В книге являются одним из классов существ наряду со злыми духами, демонами, ками и богами.

³ Акумы — низший, слабый демон в мифологии книги.

⁴ Бакэмоно — в мифологии книги это злобные монстры, устрашающие чудища.

⁵ Ёми — подземный мир, царство демонов.

Оттого и процветало дело оммёдзи – искусных заклинателей, гадателей, а порой даже и воинов.

В славной столице Хэйан-кё работал департамент оммёдо – Оммё-рё, где служили достойнейшие из одаренных, чей долг – следить за порядком в мире оммёдзи, оберегать законы, хранить и приумножать тайные знания. Для Императора же и его двора оммёдзи из департамента проводили священные ритуалы, давали предсказания и защищали от козней врагов и тлетворного влияния злых сил.

Но то столица. Прочие же оммёдзи – в народе их называли попросту колдунами – странствовали по империи и помогали людям. Труд их стоил денег, потому не каждый мог обратиться за такой помощью, будучи проклятым или страдающим от нападок ёкаев или кого пострашнее. Находились, конечно, и те, кто ставил борьбу со злом целью своей жизни – такие брались за любую работу, однако же их было немного. И чаще всего это юные, пылкие сердца, поступившие в обучение к мудрым учителям.

Основа изучения оммёдо – наставничество. Оммёдзи, решивший, что пришла пора передать знания молодым, находил место, где осесть, и набирал учеников: одного, двух или трех, не больше. Лучше всего для обучения подходили богатые духовной энергией места, такие, как рэйдзан – гора духа, считающаяся обиталищем ками⁶. На таких горах ки, текущая по меридианами человеческого тела, раскрывалась сильнее, а энергия пяти элементов У-син – земли, воды, огня, металла и дерева – помогала совершенствовать тело и дух. А как только ученики будут готовы, они отправятся в самостоятельное путешествие.

Таков мир людей, существующий между небесным царством Такамагахара, где обитают боги, и подземным царством демонов Ёми, источником всякого зла на земле.

А меж тем юный ученик оммёдзи Куматани Акиры – Хаято – еще ничего не знал о тяготах, через которые ему только предстояло пройти.

Снова...

⁶ **Ками** — в синтоизме духовная сущность, присущая всему живому. В книге трактуется как мелкое божество места, имеющее свое святилище.

Глава -1. Ерунда эти ваши проклятия

За последней клиенткой на сегодня закрылась дверь, и Сузуки Хаято с наслаждением снял высокую шапку эбоси, под которой голова уже успела взмокнуть. Откинулся назад, на вытянутую руку, а второй от души взъерошил густые вьющиеся волосы, влажными колечками прилипшие к вискам. Кто придумал работать в этакую жару? Родители могли бы и закрыть лавочку на пару дней, никто бы от этого не умер.

Семейный салон предсказаний «Сэмбу»⁷ работал допоздна в любые дни, даже в праздничные, и старшего ребенка с ранних лет пристроили к делу, тем более что из по меньшей мере четырех поколений рода Сузуки он оказался самым одаренным. К своему сожалению. В последнее лето перед выпускным классом работать хотелось не так сильно, как проводить время с друзьями.

– А-а-а! – протянул Хаято, вытягивая ноги в шуршащих шароварах сашинуки. Девушка, что успела к самому закрытию, конечно же спрашивала совета в любви. Как будто не видела, что перед ней старшекласник. Так надоели эти бесконечные дамочки всех возрастов: «выйду ли я замуж в этом году», «есть ли на мне проклятье», «принять ли ухаживания N, хотя семья против». Дурочки искренне верили, что если он посмотрит на их ладони и рассчитает четыре столпа судьбы, то их жизнь сразу наладится. Лучше бы почаще думали своей головой.

И, конечно, он сказал этой девушке, что ей надо выбрать первого претендента, ибо так говорят звезды (и его банковский счет), продал ей талисман, который сам писал накануне, когда предыдущая партия закончилась, и прочитал над ним заклинание. Эта часть обычно вызывала больше всего восторга у клиентов. Они ведь не знали, что в нем нет ничего особенного – просто традиционная мантра на привлечение удачи, хотя и работает.

Но главное, что день все же подошел к концу. Хаято аккуратно развязал тесемки у ворота, снял первым делом пояс и верхний слой сокутай⁸, расправил на специальной T-образной вешалке, распустил пояс шаровар, скинул нижнюю оокатабиру⁹ красного цвета и переделся

⁷ Сэмбу – в пер. с яп. означает «умиротворение».

⁸ Сокутай — мужское парадное платье эпохи Хэйан для аристократов, придворных и оммёдзи.

⁹ Оокатабиру — нижнее кимоно, одеваемое под сокутай или каригину.

в спортивную форму. После надлежало убрать гадательные атрибуты, пересчитать выручку, спрятать в сейф в кабинетике за ширмой, проверить, везде ли выключен свет и погашены курильницы и свечи (для антуража тут чего только не было), и лишь после можно, гремя ключами, взбежать по узкой лестнице ровно на семь ступеней – салон находился в подвале – и запереть дверь.

Вечерний Киото в их районе всегда таинственно мерцал традиционными фонарями на высоких заборах и над входами в маленькие лавочки, которые тут обычно держали семьи, жившие этажом выше. Бархатистый сумрак растекся по узкой улочке, и Хаято слышал, как эхо его шагов разносится по округе. Когда-то они хотели перенести салон предсказаний поближе к центру, где с заходом солнца жизнь только набирала обороты, но здесь, в их районе, даже запах был другой – он будто придавал сил. Сегодня снова пахло жареным рисом из забегаловки Эмото, и Хаято положил ладонь на бурлящий живот.

Хотелось есть, но еще надо было сходить в комбини¹⁰ в соседнем квартале, мать прислала сообщение за полчаса до конца рабочего дня. Отец, похоже, сегодня не вернется от родни, живущей в Сайтаме, а младшая сестра Канна-тян постоянно требовала внимания – ей еще не исполнилось года.

Хаято сунул руки в карманы спортивной куртки и пошел к магазину по незаметно забирающей все выше и выше улочке. Люди здесь рано разбредались по домам, из открытых окон слышались звуки работающих телевизоров, на стеклах отражались их яркие мерцающие экраны. Хаято шел не спеша, добрался до комбини и с пакетом вышел из него в бодрящий, быстро остывающий воздух.

– Иди сюда, не бойся, – поманил он и опустил на корточках. Кошка с белоснежной, несмотря на уличную жизнь, шерстью пугливо таращилась из тени ярко-голубыми глазами, но вскоре вышла и приняла угощение. – Хорошая киса.

Родители не разрешали заводить домашних животных, поэтому Хаято так нравилось подкармливать и гладить эту кошку, особенно когда она переставала вздрагивать и шугаться каждого его движения и сама льнула к ладони.

Но сегодня она так и не далась ему в руки, а потом и вовсе зашипела, пригнулась к земле и попятилась, нервно дергая ушами. Было абсолютно тихо, что вообще не редкость в их районе, где после десяти вечера по улицам не слонялась даже молодежь. Хаято мог бы назвать это место самым скучным на всем земном шаре, если бы забирался куда-то дальше, чем на Окинаву, и то со школьной экскурсией.

– Ну ты чего, глупая? – спросил он кошку, но та уже скрылась в только ей видимой дыре в заборе, где тень была особенно густой. Хаято выпрямился, отряхнул руки, шурша пакетом, и посмотрел вперед, куда уходила, чуть изгибаясь, пустынная улица. Ни шороха, ни дуновения, хотя Хаято готов был поклясться, что когда он начал кормить животное, ветер обдувал влажную шею и затылок. Он нахмурился и, намотав ручки пакета на запястье, двинулся вниз по дороге к дому.

Странно, но свет вокруг будто потускнел. Не то чтобы прежде тут было ярко, как в центре Токио, но у многих калиток висели фонари, дань традициям, опять же светились окна в домах, мерцали вывески магазинчиков, уже работало уличное освещение. В общем, вполне достаточно, но дальний конец улицы терялся во мраке, а последний из горящих впереди фонарей тревожно мигал, окруженный стайкой насекомых.

– Да вы издеваетесь, – пробормотал Хаято. – Я же не в тупой компьютерной игре.

¹⁰ Комбини — круглосуточный магазин шаговой доступности в Японии.

Словно смеясь над ним, разом погасли окна ближайших домов, приближая зловещую тьму еще почти на десяток метров¹¹. Если сейчас он услышит вой или рык какого-нибудь монстра, то ничуть не уди...

На только что совершенно пустой дороге на самой границе света и тьмы стоял человек.

– Дерьмо, – выругался Хаято. Дома за такое досталось бы от матери, но сейчас он был один на один со зловещей фигурой, преграждающей ему путь. – Ну и чего ты встал?

Разумеется, незнакомец не мог слышать. Хаято не боялся драки – каждый в школе знал, что с Сузуки Хаято шутки плохи, он навалял бы и студенту, если понадобится, но сейчас остро ощущал: лучше поостеречься. Своей интуиции он доверял, дома говорили, будто она досталась ему от предков-оммёджи.

Оммёджи или нет, но неподвижный силуэт внушал опасения и безо всякой мистики.

Хаято прочистил горло и все-таки решил, что мяться на месте – это как-то совсем по-девчачьи, и крикнул:

– Эй, друг! Ты потерялся, что ли?

На «друга» человек не отреагировал, но за его спиной вспыхнул и снова погас фонарь, и в раздражающем мигании удалось разглядеть волосы незнакомца, белые и длинные, как парик для косплея. В жизни таких не бывает. Наверное.

Хаято замешкался, а когда свет снова моргнул, дорога была пуста.

– Что за... – Хаято нервно взъерошил густую гриву.

Улица выглядела привычно: желтым выделялись окна домов, слышались приглушенные звуки жизни за ними, а за забором мяукала белая кошка, предательски кинувшая его наедине с... чем бы оно ни было.

– Дерьмо, – с чувством повторил Хаято и забросил многострадальный пакет с покупками на плечо. – Вот дерьмо.

Примерно через полчаса, закрывшись в своей спальне, Хаято первым делом упал на кровать, а вторым – набрал номер Рюноске. Друг ответил не сразу, но голос у него был, как всегда, спокойным и ни капельки не сонным, несмотря на поздний час.

– Ты не поверишь, что со мной сегодня случилось, – тут же огорошил его Хаято.

Рюноске молчал, ожидая продолжения.

– Я видел чертова призрака!

Рюноске не рассмеялся, только спросил, с чего это Хаято так решил.

– Ну... – Хаято поправил подушку под головой. – Сначала никого не было, а потом появился какой-то чудик. А перед этим еще фонари кругом погасли, как в долбаном ужастике. Представляешь?

Рюноске не представлял.

– И волосы у него были белые и длинные, наверное, ниже пояса. Много ты в Киото видел таких странных парней?

Рюноске разумно выразил сомнение, что это именно парень, но Хаято возразил:

– Нет, точно парень. И с ним точно было что-то не так.

А на следующую фразу вообще чуть не рассмеялся.

– Да ты гонишь! В смысле знакомый из прошлой жизни? Ты наслушался историй моего деда про былую славу рода Сузуки. Лично я сомневаюсь, что кто-то из прошлой жизни стал бы меня искать. Разве что я ему денег задолжал.

Рюноске обозвал его дураком и пригрозил найти в следующем перерождении.

Рядом с дверью со стороны коридора кто-то остановился, и мамин голос спросил:

– С кем ты разговариваешь? Ложись спать, завтра рано вставать.

¹¹ В современной Японии действует метрическая система.

И правда, каникулы закончились так же быстро, как и все каникулы до этого. Хаято вздохнул и обратился к Рюноске:

– Ладно, завтра расскажу подробности. Спокойной ночи, придурок.

Рюноске ответил в том же духе и отключился.

Хаято встал, чтобы закрыть окно, но замер возле подоконника, пытаясь разглядеть в тусклом свете уличного фонаря загадочную фигуру с белыми волосами. К счастью, ее там не было, иначе Хаято бы точно решил, что у него едет крыша. А если это призрак? Иногда их видят перед каким-то значимым событием или трагедией. Хаято, может, не очень прилежно учился в школе, но дедушка с бабушкой с детства рассказывали ему всякие, откровенно говоря, жуткие истории. Про беспокойных юрэй¹² он тоже много чего слышал.

Собираясь вернуться в постель, он опустил взгляд на письменный стол. Из чуть приоткрытого ящика на Хаято призывно смотрел футляр с гадальными палочками для омикудзи¹³, словно говоря «спроси и узнаешь правду». Но дед четко дал понять, что гадать себе нельзя – будешь проклят.

– Ерунда эти ваши проклятия, – пробурчал Хаято и бедром задвинул ящик в стол. Так, на всякий случай.

«Надеюсь, он мне не приснится», – подумал, закрывая глаза. В тишине комнаты мерно тикали старые настенные часы.

А потом остановились...

* * *

Первый учебный день пролетел незаметно, Хаято постоянно находился в толпе – среди одноклассников он чувствовал себя в своей тарелке, и пусть особо рассказать было нечего, он с важным видом слушал, кто куда ездил на каникулах и какие фотки оттуда привез. Еще бы спать так не хотелось.

– Эй, Сузуки? – товарищ толкнул его в плечо, едва не повалив с парты, на которой тот сидел, свесив ноги. – Ты в порядке?

– Пойдешь с нами в компьютерный клуб? – спросил другой. Закатное солнце уже просачивалось сквозь колышущиеся прозрачные шторы. Последний урок закончился, и ребята начали расходиться. Староста неодобрительно покосился на них, но сегодня не стал выговаривать – тоже хотел поскорее уйти.

– А? – Хаято сонно потер кулаком глаза. – Не, я домой. Давайте без меня.

Внизу у шкафчиков он переобулся, закинул сумку на плечо и пошел к ближайшей станции метро линии Карасума. В средней школе он ездил на велосипеде, в основном чтобы поддерживать спортивную форму, потом добираться стало дольше, и он пересел на общественный транспорт, но иногда велосипеда не хватало – например, сейчас. Хаято спустился под землю, дождался поезда и сел в один из последних вагонов. Народу набилось много, пришлось стоять, повиснув на поручне и уткнувшись в телефон. В классном чате тоже было оживленно, болтали больше девчонки, и Хаято быстро потерял интерес.

Вдруг вагон вздрогнул, погас свет, и на несколько мгновений стало совершенно темно, даже экран телефона почернел. Но не успели люди испугаться, как свет вернулся. Вагон подъезжал к станции, Хаято посмотрел в окно и увидел на пустой платформе одинокую фигуру с длинными белыми волосами, провожающую вагон взглядом. Нет, Хаято был уверен: не вагон, а именно его, Сузуки Хаято.

¹² Юрэй — призрак умершего человека в японской мифологии.

¹³ Омикудзи — японское гадание, практикующееся в синтоистских и буддийских храмах.

Его отвлек тычок в плечо, и видение за стеклом исчезло, сменившись выходящими из вагона людьми. Хаято провел ладонью по кудрям, еще больше путая их, а тут поезд как раз снова тронулся, и кто бы ни преследовал Хаято, он точно остался позади.

– Простите, – мимо прошел усталый мужчина в костюме, стремясь сесть на освободившееся место. Вагон плавно покачивался, Хаято посторонился и оказался лицом к темному стеклу, за которым проносилась монолитная стена подземного тоннеля.

И тень в окружении белоснежных волос.

Хаято вскрикнул, но никто не услышал – вагон был пуст.

– Мне все это кажется, – пробормотал Хаято вмиг пересохшими губами. – Этого нет.

Пол застыл. Поезд больше никуда не ехал. Сидения тянулись двумя оранжевыми рядами до дверей в соседний вагон, а перед ними, между блестящими металлическими поручнями, стоял человек с белыми длинными волосами. Хаято видел его неожиданно четко, хотя свет опять мигал, давя на нервы треском и шорохом ламп.

Хаято смотрел – и все больше казалось, что это продолжение кошмара, разбудившего его сегодня задолго до будильника. Кошмара, в котором он сидел на горячей земле посреди пепелища, и грудь разрывало не только от дыма, но и от крика.

Незнакомец тоже кричал, но, как и во сне, Хаято не слышал ни звука. Лицо призрака кривилось то ли от страха, то ли от боли – Хаято не мог понять, лишь видел, как он тянет руки к Хаято, будто их разделял не пустой вагон, а непреодолимая пропасть. И что-то отчаянно кричал. Повторял одно и то же снова и снова. Снова и снова.

Страх вдруг исчез, и Хаято разозлился.

– Хватит ко мне лезть! – прокричал он и, стиснув кулаки, решительно двинулся навстречу. – Свали уже!

Показалось, что призрак его услышал, а может, ему просто надоело вопить в пустоту. И только тогда Хаято заметил, что все это время взгляд был направлен ему за спину. Незнакомец слабо улыбнулся и произнес короткое слово. И Хаято вообще ни черта не понял!

А если Хаято слишком долго чего-то не понимал, он предпочитал переходить от слов к делу.

– Слушай сюда, ты... – начал он, хватая парня за плечо.

Рука, как ни странно, не прошла сквозь розоватую ткань традиционного кимоно, а схватила вполне себе реальную плоть. И сразу же раздался крик:

– Убери руки! Извращенец!

Хаято отпрянул от орущей школьницы, все взгляды в вагоне устремились на него, и пришлось долго оправдываться и выйти на ближайшей станции, лишь бы оказаться на свежем воздухе.

С ним определенно творилась какая-то потусторонняя ерунда. Как член семьи предсказателей (и даже не совсем фальшивых), он в принципе готов был поверить в призраков. Да, черт возьми, он уже в них верил со вчерашнего вечера! Но до идеи проклятия он пока решил не опускаться. Наверняка все можно объяснить гораздо проще.

Оказавшись в своей комнате, скинул на стул сумку. Ящик стола был выдвинут почти как вчера, и из футляра с гадальными палочками торчала одна.

– Нет, – сам себе сказал Хаято. – Не буду я смотреть.

Он достал телефон, чтобы позвонить Рюноске и выговориться, но взгляд словно прикипел к цифре на бамбуковой дощечке. *Нельзя гадать самому себе, будешь проклят.* Но он ведь и не гадал. Не гадал же?

Хаято начал злиться. Ему почти восемнадцать, и он не собирался трястись от страха перед бумажкой с дурацким предсказанием.

Но он помнил, что выпадало с такой цифрой на дощечке. Большая неудача.

Хаято раздраженно захлопнул ящик стола.

– Да пошли вы! – непонятно кому выкрикнул он и, не переодеваясь, спустился на первый этаж. Отец рано утром вернулся от родственников, мама уложила сестренку и сейчас возилась на кухне.

– Хаято, дорогой, – она повернулась к нему и настороженно окинула взглядом, – что-то случилось?

– Отстань от парня, – как всегда, отмахнулся отец и поправил очки. У него в руке была старая книга, он любил читать всякие исторические труды, связанные с эпохой Хэйан. – Он уже взрослый и не будет тебе все рассказывать.

Хаято сел за стол.

– Ма, па, – он потянул за манжет на правой руке. – Почему дедушка говорил, что нельзя делать предсказание самому себе?

– Потому что так ему говорил его дедушка, – ответил отец и перевернул страницу.

– А он с чего так решил?

Мама отвлеклась от помешивания и снова бросила на него подозрительный взгляд.

– Хаято, ты что-то натворил?

– Ну зачем ты сразу на него кидаешься? – отец посмотрел на нее поверх очков. – Он у нас умный мальчик.

Они могли часами говорить так, будто его тут вообще не было, – не потому что не любили, просто однажды умудрились создать семью, имея совершенно противоположные характеры, и за семнадцать с лишним лет как будто так и не привыкли к этому. Хаято казалось, он пошел больше в мать, отец был слишком... спокойным.

– Я ничего не натворил, – чуть повысил он голос, добился внимания и продолжил: – Значит, вы просто не знаете?

Это идеально работало с отцом. Он сразу отложил книгу и приосанился.

– Сузуки происходят из древнего рода оммёдзи. Прошло, конечно, уже много веков с момента наивысшего величия наших славных предков, но мы продолжаем хранить их заветы. Твой дед так сказал, потому что это семейная легенда.

– Не пугай мне ребенка, – опасно нахмурилась мама и перехватила деревянную лопатку покрепче.

– Эта легенда гласит, что каждый из семьи Сузуки, кто узнает свое будущее, будет проклят и вскоре умрет страшной смертью...

– Тадао! – голос матери заставил всех вжать головы в плечи. – Я запрещаю забивать ребенку мозги этой ерундой! Иначе, – она ткнула в мужа лопаткой, – никакого ужина!

Угроза подействовала, но перед тем как снова спрятаться за книгой, отец наклонился и тихо спросил:

– Надеюсь, ты не ослушался деда?

Хаято сглотнул. От ответа его спасла мама:

– Кстати, с кем ты вчера так поздно разговаривал по телефону? – вспомнила она. – С одноклассником?

– А? Нет, – Хаято с трудом скрывал нервозность, – я говорил с Рюноске.

– Рюноске? А кто это?

Мама всегда проявляла интерес к жизни сына и, в отличие от отца, знала о ней практически все, помнила по именам всех его одноклассников, начиная с младшей школы, так что Хаято принял ее вопрос за неловкую шутку.

– Очень смешно, ма. Рюноске – мой друг детства. Не делай вид, что забыла его.

Он взялся за палочки, поблагодарил за еду, только вот даже начать не успел. Отец переглянулся с мамой и покачал головой.

– Но у тебя в детстве не было друга с таким именем.

Хаято замер. На мгновение почудилось, что все вокруг снова застыло в абсолютной тишине, и родители вот-вот тоже исчезнут, как пассажиры из метро.

Хаято вцепился в край стола.

– Рюноске, – повторил он. – Как вы можете не помнить Рюноске? Он... он гостил... Он...

Мама смотрела с испугом, отец – с удивлением. А Хаято пытался вспомнить хоть один случай из их общего прошлого: совместная ночевка (она ведь точно была, да?), поездка к морю двумя семьями (а какая она, семья Рюноске?), как Рюноске заходил за ним, чтобы вместе пойти на секцию по баскетболу в прошлом году. Но почему-то в памяти все распадалось на фрагменты.

– Вы это специально, – не выдержал он, вскочил из-за стола и побежал к себе. Там схватил телефон – *ну же, Рюно, просто скажи, что я не чокнутый* — и открыл меню последних звонков.

Номер недействителен.

– Дерьмо! – Хаято швырнул телефон на кровать, и тот, подпрыгнув на пледе, обиженно погас.

В дверь осторожно постучали.

– Хаято? Хаято, все нормально?

Как все может быть нормально, когда твой лучший друг, кажется, не существует?!

Родители не понимали. Наверное, думали, что он сошел с ума, но он не сумасшедший! Он разговаривал с Рюноске буквально вчера! Он говорил... Что он говорил? Вспоминая тот вечерний звонок, Хаято хорошо помнил, что говорил сам, но в голове не всплыла ни одна фраза Рюноске. Какой у него голос? Такое же невозможно забыть за день.

Взгляд упал на выдвинутый ящик стола. Порыв ветра из открытого нараспашку окна – *но оно же было закрыто* – бросил в Хаято листок с предсказанием.

Большая неудача.

Неудача.

– Хаято? – мама еще стояла за дверью. – Милый, поговори с нами.

– Я... я спать, – хрипло ответил он. – Давай утром?

– Но еще слишком рано...

Она помолчала и наконец ушла, пожелав хороших снов. А вот Хаято сильно сомневался, что вообще сможет сегодня сомкнуть веки.

Он ошибся.

Не только уснул, но и до самого будильника не мог вынырнуть из череды кошмаров, после которых вся постель была измята, а пижама пропиталась потом. Волосы превратились в гнездо и тоже изрядно намокли.

На холодильнике Хаято обнаружил оранжевый стикер: «Завтрак найдешь, я с Канной в больнице». Хаято снял его и скомкал, после чего, отчаянно зевая, сел за стол. Отец уже, наверное, ушел в салон, и дом был непривычно тих, чего после рождения Канны давненько не случалось. Хаято уныло жевал омлет, попутно листая новости на телефоне и думая о вчерашнем. Сейчас казалось, он перегнул палку, устроил истерику, а ведь у всего должно быть свое объяснение. Рюноске просто решил его кинуть и напоследок зло подшутить. А память... Ну, все рано или поздно забывается. А родители и не обязаны помнить каждого из его друзей.

Так ведь?

Хаято почти успокоился. Конечно, не до конца, но пора было ехать в школу, а там уже не до призраков и прочей чепухи – последний год надо прожить как следует, чтобы потом было что вспомнить в университете. Правда, Хаято сомневался, что у него хватит проходного балла, все же когда раздавали мозги, он стоял в очереди за мышцами – так мама однажды сказала. Он доел, взял сумку, влез в кроссовки и поспешил на станцию, пока еще оставался шанс не опоз-

дать. В вагоне первое время напряженно косился по сторонам, но утром все казалось таким обыденным, безопасным, что к своей остановке Хаято и думать забыл о пережитом вчера.

На большой перемене они с парнями собрались на крыше, толстяк Тоцуги выбирал, с какой булки начать, пока Хаято и Ватанабэ пили каждый свой сок из картонных коробок.

– Какие планы на выходные? – спросил Тоцуги, определившись с выбором.

– Работаю, – уныло ответил Хаято.

– Ты в выпускном классе, Сузуки, сколько они тебя еще будут эксплуатировать? – Ватанабэ поправил очки, из-за которых ошибочно казалось, что он типичный отличник, но Хаято не знал более ленивого и неактивного человека, чем он.

– А ты? – Тоцуги говорил, толком не прожевав, и его щеки еще больше округлились, как у хомяка. – Будешь дома играть все выходные?

– Вообще-то, – Ватанабэ сделал паузу и победно ухмыльнулся, – я иду с девушкой на концерт.

– С девушкой?!

– У тебя есть девушка?

Ватанабэ хмыкнул и, закопавшись в телефоне, показал им фото миленькой девчонки с короткой стрижкой. Слишком миленькой для кого-то вроде Ватанабэ.

Хаято завистливо поджал губы. Ему с девчонками не везло, наверное, они его боялись, хотя на день святого Валентина он всегда находил в своем ящичке картонные сердечки.

– А что за концерт? – Тоцуги смахнул крошки с мягкой груди и отряхнул руки. – Кто-то знаменитый?

– Понятия не имею, – пожал плечами Ватанабэ. – Я бы не пошел, но Нана мне все уши прожужжала этим новеньким айдолом. Сейчас.

Он снова быстро заводил пальцем по экрану и показал еще одно фото.

– Все подружки Наны поголовно в него влюбились.

Хаято и Тоцуги склонились над ним. Тоцуги присвистнул:

– А ничего так...

Но Хаято уже выхватил смартфон из руки Ватанабэ и неверяще уставился на парня с длинными белыми волосами, как у героя сёдзё-манги. Он смотрел прямо в камеру и улыбался так, будто видел Хаято через объектив фотографа.

Видел и насмехался.

– Ублюдок! – взревел Хаято и стиснул гаджет так, что Ватанабэ и Тоцуги вместе вцепились в его руку и попытались разжать пальцы прежде, чем он повредит чужое имущество. – Я тебя достану!

– Да что с тобой, Сузуки?! – Ватанабэ отобрал свой смартфон и переглянулся с Тоцуги. Но Хаято не собирался ничего объяснять – он должен был сначала найти этого смазливового «призрака» и прижать к стенке. Никто не смеет так над ним издеваться! А Рюноске, предатель, наверняка с упырем заодно. Ничего, оба получат по первое число.

Концерт был назначен на вечер субботы в клубе, где обычно выступали начинающие музыкальные группы, у которых не хватало денег на места получше. Хаято бывал там с друзьями, но в этот раз собирался прийти один. До конца недели выспаться толком не удалось, постоянно, стоило выключить свет и закрыть глаза, в голове мелькали странные картинки. Будто вспоминаешь отрывки из фильма, которого никогда не видел.

Хаято стал раздражительным, избегал разговоров с одноклассниками, даже с Ватанабэ и Тоцуги, дома тоже почти не покидал комнаты, а в субботу вечером ушел молча, никому ничего не сказав. В черной толстовке с накинутым капюшоном и джинсах он не выделялся, когда пришел ко входу в клуб. Наверху было кафе, работающее днем, а в полуподвальном помещении – танцпол и сцена для приглашенных музыкантов. Все это и внутри, и снаружи выглядело

без претензии, и едва ли тут когда-то собиралось столько людей, сколько сегодня. Похоже, этот пацан пользовался популярностью, хоть, по сути, являлся всего лишь «подпольным айдолом»¹⁴. Хаято сунул руки в карманы толстовки и прошелся вокруг здания, пока не обнаружил служебную дверь. Времени еще было достаточно. Если повезет, подкараулит «звезду» здесь – не через толпу же он пойдет?

А если он уже внутри?

Хаято не знал, получится ли у него незаметно проникнуть за кулисы, но, к счастью, и не пришлось. Он услышал шум приближающегося автомобиля, хлопок дверцы, и мимо его укрытия в тени прошла невысокая фигура с собранными в хвост длинными белыми волосами, открывающими некрасивое родимое пятно за левым ухом. Под просторной курткой прятался светлый сценический костюм. Шаги отдавались дробью по асфальту. Хаято вышел из тени, когда парень уже взялся за ручку массивной металлической двери и потянул на себя.

– Эй! – позвал он и встал напротив, широко расставив ноги в стоптанных кедах. – Есть минутка? Надо кое-что обсудить.

Скинул капюшон и уставился на беловолосого тяжёлым взглядом – свет фонаря над входом падал как раз на его удивленное лицо.

– Я спешу, – ответил тот, но особого волнения в нем Хаято не почувствовал.

– Это недолго.

Хаято шагнул вперед, и свет тревожно замигал.

– Если нужен автограф, то...

– На черта мне твой автограф?! – не выдержал Хаято. Откуда-то из глубины поднималась ярость. – Живо отвечай, зачем вы с Рюноске делаете из меня дурака?

Они смеялись над Хаято, держали за идиота, наверняка снимали на камеру, какое испуганное лицо у него было, когда он думал, что видит призрак. И гадальную дощечку с дурным предзнаменованием тоже наверняка кто-то из них вытащил – Рюно мог, а вот идея... Идея точно этого расфуфыренного. Хаято видел насмешку в его широко распахнутых неестественно серых глазах.

Они околдовывали. Проникали туда, куда Хаято никого не собирался пускать.

И если до этого он просто хотел поговорить и понять, то сейчас кулаки буквально чесались добавить визажистам работы...

Беловолосый дернул дверь и обернулся на пороге, в шаге от того, чтобы сбежать. Они смотрели друг на друга, и что-то между ними – и в них – неуловимо менялось.

– Ишинори, – проскрежетал Хаято. Имя само всплыло в памяти и оставило во рту горький привкус дыма.

– Хаято? – неуверенно пробормотал тот. – Откуда...

– ...я тебя знаю? – одновременно с ним закончил Хаято.

А, неважно! Этот человек – причина всех бед. Он зло. Он враг.

Хаято рванул к нему, однако успел преодолеть только половину разделяющего их расстояния, как в недрах клуба что-то оглушительно взорвалось, и стало нестерпимо ярко и горячо. Волна огня на мгновение обрамила красным белую фигуру Ишинори и вырвалась наружу. Хаято протянул руку, будто и правда мог схватить Ишинори раньше всепоглощающего жара, а потом взрывная волна ударила в грудь, в лицо, скомкала, как фантик от конфеты, и так же легко смела с пути.

Последнее, о чем успел подумать Сузуки Хаято перед смертью: «Я ненавижу тебя! Я ненавижу тебя, Ишинори!...»

¹⁴ «Подпольный айдол» — термин из японской индустрии айолов, обозначающий исполнителей, не появляющихся на телевидении или в журналах, но активно участвующих в живых выступлениях.

Глава 1. Туда, откуда все началось

Хаято в ужасе распахнул глаза. Вместе с неярким, но все равно таким ослепительным после окутывающей его темноты светом он увидел склонившееся над ним лицо. Пока не мог разглядеть отдельных черт – все сливалось в белое сияющее пятно с медленно двигающимися губами. В ушах стоял звон, а откуда, от чего – этого Хаято уже не помнил. А, может, вообще никогда не знал.

Он часто заморгал, прогоняя сонливость, и лицо над ним приобрело свой законченный вид.

Вид Ишинори.

Тело действовало раньше, чем мозг успел обработать эту информацию, и Хаято сомкнул пальцы на беззащитном горле. Ишинори издал полустон-полухрип, дернулся и вцепился в его запястье в тщетной попытке ослабить смертельную хватку. Глаза, такие необычно серые, как пасмурное небо, выпучились, и Хаято не сдержал торжествующей ухмылки.

Так тебе и надо, тварь!

Хаято усилил нажим, ощущая, как продавливается под ним плоть, но тут что-то тяжелое будто рухнуло на грудь, и Хаято вжал в матрас – затылок, плечи, локти... Он отчаянно задергался, зарычал, не понимая, что происходит, а Ишинори вне пределов его видимости тяжело и часто дышал, приходя в себя.

Еще бы чуть-чуть! Еще бы совсем немного!

– Что на него нашло? – услышал он незнакомый голос. Здесь был кто-то третий. Наверное, это он помешал. – Что? Рю-кун, я тебя не понимаю.

Рю? Неужели Рюноске? Что происходит? Хаято замер, напряженно прислушиваясь. Кто-то был совсем рядом, но не получалось не то что повернуть голову, но даже глаз скосить – его будто парализовало.

– Убе...ри, – прохрипел Ишинори, – талис... ман.

Тень склонилась над Хаято, скользнула по лицу широким рукавом, а после наступила долгожданная легкость. Хаято сел, стараясь не делать резких движений. Догадывался – должно быть очень больно, но боли не было. Он встряхнулся и обнаружил еще одну странность.

Голове тяжелее, чем обычно.

Он провел ладонью по волосам, от макушки до затылка, где зацепился за узел, сдерживающий сильно отросшие кудри в хвосте.

Что за чертовщина творится?!

– Тебе нельзя резко вставать, – раздался голос Ишинори. Хаято нашел парня расфокусированным еще взглядом и постарался сосредоточиться. – Ты можешь снова потерять сознание.

– Ты слишком о нем заботишься, – фыркнул кто-то невидимый, и Хаято с трудом повернул голову. На него свысока смотрел незнакомый прыщавый парень с пухлыми губами, наряженный почти как Хаято во время работы в семейном салоне: голубое кимоно с рисунком, поверх безрукавка-катагину и серые хакама. Хотя, подумалось вдруг, «рабочий» костюм предсказателя относился к эпохе Хэйан, этот же человек, можно сказать, был одет лет на двести современнее.

– Как же мне о нем не заботиться? – улыбнулся Ишинори и поправил лежащие на плече волосы. – Учитель доверил мне его здоровье.

Учитель? Хаято окончательно перестал что-либо понимать. Опустил взгляд на себя и увидел, что и сам одет не в толстовку с джинсами, а в белое нижнее кимоно.

– С ума сойти можно, – сказал он, и две пары глаз уставились на него с немим вопросом. Хаято похлопал себя по груди, бедрам, сжал и разжал пальцы. Внутри все теснее скручивалась пружина, и в какой-то момент Хаято сквозь шум в ушах услышал:

– Похоже, он не в себе.

«Я не сумасшедший!» – всплыло в памяти, и пружина разжалась.

Оттолкнув Ишинори с пути, Хаято выскочил из комнаты, ориентируясь на свет, проникающий с улицы, и оказался на веранде. С нее открывался вид на двор с дорожками, выложенными крупными плоскими камнями с проросшей между ними травой. За свободным участком перед домом вольготно раскинулись зеленые и цветущие кустарники, из них то тут, то там выглядывали молодые деревца. А еще дальше Хаято с удивлением разглядел самый настоящий лес. Поднял голову – и пронзительная синева неба ослепила его. Стало дурно. Хаято пошатнулся, сделал шаг назад, хватаясь за виски.

«Я же не в тупой компьютерной игре».

«Ну ты чего, глупая?»

«Эй, друг! Ты потерялся, что ли?»

«Не, я домой. Давайте без меня».

«Хаято, дорогой, что-то случилось?»

Голоса разрывали на части, и Хаято все сильнее сжимал голову, пока наваждение не схлынуло. Он стоял на веранде дома для учеников и смотрел, как колышутся верхушки деревьев, укрывавших Канашияму плотным зеленым одеялом. Сердце еще заполошно билось, когда со спины подкрался Ишинори и озабоченно спросил:

– Хаято, с тобой все хорошо? Ты нас пугаешь.

Его тихий голос дробился на множество других, будто он говорил сразу отовсюду – из разных времен и пространств, и Хаято не мог этого выносить. Он круто развернулся, но даже не увидел его лица. Перед глазами потемнело, и Хаято начал медленно оседать.

– ...ято? Хая... Хаято?..

Прежний Сузуки Хаято сказал бы, что у него перегрелся процессор от обилия информации. Но Сузуки больше не было. Хаято покачивался на волнах, и каждый их всплеск погружал его все глубже и глубже в темноту.

Туда, откуда все началось.

* * *

Вечер опускался на вершину Канашиямы, священной горы духа, всегда так стремительно, будто кто-то накидывал темное полотно на древесные кроны, и свет мерк в одночасье. Хаято не нравилась ночь, но в лиловых сумерках все вокруг становилось особенным, оживали звуки, которых не услышишь днем, и яркость красок – зеленых летом и весной и пылающих багрянцем и золотом осенью – не отвлекала глаза. Дорога плавно, обтекая препятствия, сбегала в долину, окруженная каменными фонарями, в тесных клетках которых вот-вот сами собой вспыхнут огоньки.

Хаято спускался не один, с ним рядом шел его лучший друг.

Ишинори скользил бледной тенью, края светлых одежд касались Хаято, и он не мог отвести взгляда.

– Ты похож на юрэй, – сказал со смешком.

– Называть человека призраком плохая примета, – укорил Ишинори и улыбнулся. Когда он улыбался, на его щеках появлялись ямочки, как у ребенка. Казалось, с их первой встречи он так и не повзрослел.

– Боишься, что тебя унесут духи?

Ишинори промолчал. По краям тропы вспыхнули теплым светом каменные фонари, и вскоре за деревьями стало видно наливающееся темной синевою небо и крыши домов, разбросанные недалеко от подножия горы. Хаято замедлил шаг и вскоре остановился, глядя вдаль. Там, внизу, жили люди, которых они с Ишинори однажды назвали своей семьей.

– Вот старики удивятся, что учитель разрешил нам навестить их, – сказал Хаято и повернулся к другу. Ишинори стоял в тени, а когда шагнул вперед, Хаято вздрогнул – его лицо потеряло всякий цвет, и с белого полотна смотрели две черные бездны.

Одновременно с этим он уловил едкий запах дыма, а обернувшись назад, увидел, что небо покраснело от огненных всполохов, охвативших деревню. Огня было много, так много! Его жар добирался даже сюда. Хаято настолько растерялся, что не мог сдвинуться с места.

– Правда, красиво? – спросил Ишинори мертвым голосом. – Тебе тоже нравится? Тебе нравится, Хаято-кун? Это все для тебя...

* * *

Запах дыма просочился из кошмара в реальность, и Хаято подскочил, озираясь по сторонам.

Он был в домике для учеников. Их трое – Рюичи, Ишинори и сам Хаято.

Он знал, какой Император правит.

Он помнил, что сны, полные огня и крика, не просто кошмары.

– Куда ты опять, неугомонный? – воскликнул парень в безрукавке, но Хаято легко оттолкнул его с пути, как будто тот ничего не весил. Начало смеркаться, пока едва заметно, но до настоящей темноты оставалось совсем немного, и она застанет Хаято в дороге, как уже бывало не раз. Он миновал знакомый дворик, по камням выскочил на площадку перед главным строением («дом учителя», – подсказала память), оттуда напрямик на дорожку, ведущую вниз с горы. Хаято знал этот нехитрый маршрут, как свои пять пальцев, но вместе с ним в голове выстраивался и другой – от дома до станции, на метро линии Карасума, до школы, от школы до компьютерного клуба и снова до станции. Одно накладывалось на другое, и Хаято распырало от всего, что бурлило и кипело в мозгу.

Он спешил домой, но даже не до конца понимал – его ли это дом на самом деле.

Кто он сам такой, раз уж на то пошло.

Хаято остановился на том же месте, где и в своем недавнем дурном сне. Было светлее, но небо над Канашиямой уже тронула легкая сиреневая дымка, сквозь которую проглядывали розоватые перья облаков. Сумерки над горой духа – красиво. Хаято замер, застигнутый врасплох этой волшебной картиной, любуясь ею и невольно узнавая. Может, хотя бы сейчас все наконец встанет на свои места. Свежий ветер коснулся лица, будто кто-то легонько дохнул в него.

– Я знал, что застаю тебя здесь, – сказал Ишинори.

Хаято повернулся к нему не сразу, хотел как можно дольше не отрывать взгляда от раскинувшейся под горой долины и темных крыш в ней. Именно с этого места в прорехе между деревьев можно было увидеть так много. Откуда-то пришло воспоминание, как несколько лет назад, несмотря ни на что, тянуло все бросить и вернуться, Хаято приходил сюда – и Ишинори приходил следом за ним.

Все эти чертовы воспоминания так или иначе вертелись вокруг Ишинори, но глядя на него сейчас, Хаято будто видел чужака – «призрака», оказавшегося реальным человеком. Хотя насчет реальности Хаято бы еще поспорил.

Да, он все же обернулся и встретил жалостливый сероглазый взгляд. Ишинори был удивительным, в этом Хаято не сомневался даже в том странном состоянии, в каком находился. Ниже Хаято на полголовы, он и в плечах был едва не вдвое уже, и казалось, слишком сильный порыв ветра однажды сдует его с горы. Он носил одежду нежных оттенков – мякоти персика, лепестков сакуры, отцветающей глицинии. Его волосы рано поседел, и он низко собирал их лентой и перекидывал на левое плечо, и хвост спадал почти до самого пояса. А его глаза... Хаято смотрел в них, и внутри все сжималось, и хотелось кричать. Он даже не понимал – от ярости или от боли. Их было поровну.

– Все-таки ты рано встал на ноги, – по-своему понял его молчание Ишинори и провел ладонью по волосам, от ленты вниз, привычным жестом пригладывая и без того идеально лежащие пряди.

– Что со мной было? – хрипло спросил Хаято, а сам продолжал искать в чистом прозрачном воздухе отголоски дыма.

Не находил.

– Ты слег с лихорадкой, – напомнил Ишинори, подходя ближе. – Забыл? Неудивительно. Ты не приходил в себя много дней. Я боялся... что ты не проснешься.

Он сделал последний шаг, и вот между ними уже расстояние в вытянутую руку.

– Наш дом все еще стоит, – пробормотал Хаято в растерянности.

– Ну да. Куда же ему подеваться?

– Ты не понимаешь. – Хаято прижал пальцы к виску, где нервно билась жилка. – Ничего не осталось. Никого не осталось. Это было... Было?

Он снова видел Ишинори тут, среди деревьев Канашиямы, и того Ишинори, который что-то кричал в пустом вагоне метро. Это ведь он был там. Теперь Хаято знал наверняка.

– Ты еще нездоров. – Ишинори потянулся к его лбу, но Хаято перехватил такое тонкое и хрупкое в его пальцах запястье и толкнул Ишинори к дереву.

– Я. Здоров, – отдельно произнес он. – Не лезь ко мне. Ясно?

Ишинори растерянно моргал, и Хаято до шума в ушах захотелось заставить его исчезнуть. Свернуть тонкую шею, скинуть со скалы, уничтожить его. Сейчас он действительно мог это сделать и чувствовал, что это будет правильно. Справедливо. Ишинори продолжал бесстрашно смотреть, запрокинув голову, и Хаято зарычал, разрываясь между двух огней. Он никогда не испытывал подобной ненависти, но при этом она казалась ему чуждой. Он сам боялся ее.

– Хаято...

Яростный жар достиг апогея, и Хаято отпрянул, боясь и вправду совершить непоправимое. Ишинори пробуждал в нем обиду, горечь и бессильный гнев. Почему? Почему Хаято все это чувствует?

Он снова схватился за голову и нащупал гладкие пластинки сережек – подарок Ишинори. Сорвав их и зашвырнув в кусты, Хаято почувствовал облегчение. Бросил последний взгляд на тонущую в тени деревню, подмигивающую редкими огоньками-окнами, и быстро зашагал обратно на вершину. Его одолевали сомнения, и было от чего: очнувшись во второй раз, он ясно вспомнил одну важную вещь, о которой каким-то образом умудрился забыть. Деревня под горой – место, что когда-то приютило двух сирот, – сгорела дотла, осталась только черная зола да осколки костей. И все это случилось по вине одного-единственного человека – Ишинори.

Хаято, не сбавляя шага, прямо на ходу ударил кулаком в древесный ствол, и из густой кроны выпорхнула и с криком унеслась прочь испуганная птица. То, что тогда случилось, было на самом деле. Хаято до сих пор не мог отделаться от ужаса, от запаха гари, пропитавшего его будто бы насквозь, от жирных черных пятен на ладонях, которыми он в бессилии упирался в землю. Он посмотрел на свои руки – чистые, со следами заживающих мозолей. Ни пятнышка. Хаято вдруг понял – он не знает, какой сегодня день. Ведь не может же быть, что ничего еще не произошло?

Не выдержав, он сорвался на бег. В одном исподнем становилось прохладно, но нетерпение подогревало кровь. Хаято пробежал под перекладиной торий, за которыми начиналась территория оммэдзи, выбравшего эту гору своей обителью. Уже зажглись садовые фонари под раскидистыми ветвями карликовых деревьев, их посадил учитель – он многое здесь сделал своими руками. С каждым шагом, с каждым вдохом Хаято понимал и вспоминал все больше о том, что его окружало сейчас, и все равно не мог почувствовать себя на своем месте. Что-то упорно ускользало от него.

Прыщавый сидел на камне возле порошков одноэтажного строения в традиционном стиле, сёдзи были задвинуты, и на их фоне внутри двигалась фигура в просторной одежде.

– Явился! – воскликнул прыщавый. – Стыд-то какой! А если бы кто увидел, как ученик Куматани-сэнсэя носится по горе голышом? Имей в виду, мы бы притворились, что знать тебя не знаем.

И гордо скрестил руки на груди.

Хаято пытался отдышаться после бега с препятствиями, поэтому ответил не сразу. Собственно, все, что он мог сказать, это:

– А ты кто еще такой?

Лицо прыщавого пошло красными пятнами.

– Я? Я?! Я кто такой?! – он едва не захлебывался этим громогласным «я». – Ты что, совсем ум потерял? Не узнаешь своего сэмпая?

– У меня только один сэмпай, и его зовут Рюичи. Где он? Я лучше с ним поговорю.

– Ну ты и шутник. Поговорит он с ним, как же...

Хаято не собирался слушать не пойми кого и попытался пройти мимо него в дом, да не тут-то было. Наглец бросился наперерез, и тут сёдзи разъехались, и на улицу вышел Куматани Акира, таинственный оммэдзи с горы Канашияма.

Даже в простом кимоно цвета свежей зелени, с распущенными волосами, он приковывал к себе внимание. Было в нем что-то, что заставляло слушать его, верить ему, доверяться. Хаято чувствовал его силу, но она не казалась подавляющей, напротив, дарила ощущение безопасности. И Хаято отпихнул назойливого пацана в сторону и смело предстал перед учителем.

– Какой сегодня день? – спросил он первым делом.

– Десятый день месяца сливы¹⁵, – спокойно ответил учитель и едва заметно улыбнулся. – Я вижу, тебе уже гораздо лучше, раз отдыху ты предпочел прогулку по окрестностям.

– Месяц сливы... – пробормотал Хаято. Память подсказала, что речь о марте. – Значит, ничего еще не случилось.

И не было всепожирающего пламени, не было криков агонии и смрада сгорающей заживо плоти. Не было и родного лица, застывшего в равнодушной, жестокой маске. «Это все для тебя...»

– Но кое-что все же случилось, – заметил учитель, и прыщавый воспользовался случаем наябедничать.

– Сэнсэй! У него совсем с головой плохо стало, еще хуже, чем было, – противным тоном отличника и подхалима затараторил он. – Он даже смеет делать вид, будто не знает меня. Меня! Согу Киёхико, потомка императора Когэн.

– Впервые слышу, – бросил Хаято, не оглядываясь. – Куматани-сэнсэй, что со мной случилось на самом деле?

Куматани Акира вздохнул, покачал головой и махнул рукой кому-то в глубине дома.

– Рю-кун, налей нам с Хаято твоего особенного чая, – велел он. – У кое-кого накопились вопросы.

Договорив, он скрылся в доме, и Хаято, бросив на обиженно надувшего щеки (еще бы, его же не пригласили пить чай с учителем) Киёхико победоносный взгляд, отказался и, разувшись и войдя под крышу, прикрыл за собой сёдзи.

Кажется, прежде Хаято не доводилось здесь бывать, что странно – разве он не один из учеников оммёджи с Канашиямы? Но, похоже, в святая святых был вхож только старший из них, Рюичи. Он встретил кохая спокойным взглядом и отстраненным кивком и занялся приготовлением травяного чая. Почти сразу по комнате поплыли дивные, немного терпкие ароматы. Жилище сэнсэя не отличалось богатством или особым изяществом убранства, напротив, от него веяло сдержанной скромностью. Одного напольного фонаря как раз хватало, чтобы залить теплым светом низкий стол в центре, заваленный свитками и деревянными табличками. Куматани-сэнсэй, не особо церемонясь, сдвинул их на край, и часть рукописей упала на татами.

Хаято обратил внимание на домашний алтарь с бронзовой курильницей, от которой поднимался лёгкий сладковатый дымок, и на развешанную на одной из стен каллиграфию – стихи и изречения, написанные самим учителем.

– Ожидал большего? – с хитрой улыбкой спросил сэнсэй и, расправив рукава, сел на дзабутон¹⁶ возле стола. – Разве обо мне не говорят люди, «этот человек воистину благороден и отринул мирские блага»?

Если это была цитата, то Хаято не слышал ее раньше – или забыл. Он не стал мяться и сел на предложенное место. Когда адреналин схлынул, он ощутил и холод, и усталость, так что чай пришелся как раз кстати. Рюичи – высокий юноша чуть постарше Хаято, с гладкими длинными волосами в хвосте, одетый в мятно-зеленое кимоно и фиолетовые, с геометрическим орнаментом, хакама, – поставил на стол поднос с чайником и сам разлил его по чашкам, после чего почтительно опустил на колени чуть поодаль. И все это, храня строгое молчание.

Хаято прокашлялся и, пригубив действительно вкусный напиток, вопросительно уставился на учителя.

– Ты вернулся без Ишинори, – заметил тот.

Хаято сильнее сцепил зубы, чтобы не ляпнуть лишнего. Не дождавшись ответа, сэнсэй соединил пальцы в «домик» у подбородка и с хитрым прищуром зеленовато-карих глаз продолжил:

¹⁵ Март – яёй — месяц произрастания, месяц сливы.

¹⁶ Дзабутон — традиционная подушка для сидения на полу.

– Прежде вас было не разлучить ни на мгновение. Стало быть, болезнь и впрямь оказалась серьезнее, чем я думал.

– Что за болезнь? – спросил Хаято.

– Мне это неизвестно. Не знает названия и Ишинори. Странная лихорадка свалила тебя с ног во время тренировки у пруда, и повезло, что Ишинори и Рюичи вовремя вытащили тебя из воды, иначе все могло закончиться хуже. Ты весь горел, будто в огне, бормотал странные слова. Никто не мог тебя понять. Что такое «метро»?

– Это... – Хаято растерялся. – Поезда, которые курсируют по подземным тоннелям под городом.

– Поезда? – удивился учитель и подался вперед. – Это какое-то заклинание? Я о нем не слышал.

– Это транспорт, – ответил Хаято и помотал головой. – Что я несу?

– Хороший вопрос, ответ на который мы едва ли узнаем, – отозвался учитель и прикрыл глаза. – К счастью, теперь ты пришел в себя, пусть твоя ки и изменилась.

Хаято отчего-то напрягся, хотя минуту назад он и думать не думал ни о какой ки и уж тем более не соотносил ее с собой.

– Как это понимать, учитель?

– Время покажет, – уклончиво произнес тот и поднял чашку, задумчиво глядя на прозрачную поверхность чая. – Тебе не стоит перетруждаться еще хотя бы несколько дней. Ишинори проследит, чтобы ты вернулся в форму поскорее.

При упоминании ненавистного имени лицо Хаято, видимо, тоже изменилось, потому что Куматани-сэнсэй перевел взгляд на него, изучая, как диковинку.

– Даже так? – сам у себя спросил он и покачал головой. – Думается мне, тебе есть о чем поразмышлять этим вечером. Возвращайся к себе. Сегодня мне больше нечего добавить.

Хаято был не особо с ним согласен, но и поспорить с тем, что поводов для раздумий хватало, не мог. Он поднялся, поклонился сэнсэю и вышел на свежий воздух. Как-там-его-Киёхико, к счастью, не дождался его возвращения, и Хаято, обувшись, отошел от дома учителя и свернул направо по дорожке, выложенной плоскими камнями. Он помнил, что по ним можно прийти во внутренний дворик, оттуда к пруду с беседкой и на вторую тренировочную площадку с другой стороны горы. На вершине Канашиямы было не так много пространства, и то, что имелось, Куматани Акира подстроил под себя, едва появился на горе впервые. Хаято глубоко вдохнул и остановился там, откуда мог видеть свет за тонкими стенами одного из двух домиков для учеников, хотя прежде был всего один на троих, это не подвергалось сомнению, как и то, что Хаято раз за разом приходил на гору и, стоя на коленях, вымаливал себе право находиться рядом с Ишинори. И этот Киёхико... Он назвался учеником, но его никогда не было среди них. Откуда он взялся? И почему все уверены, что так и должно быть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.